

Б. КЕРБЕЛИТЕ

ЛИТОВСКИЕ ПРЕДАНИЯ ОБ ИСЧЕЗНУВШИХ ГОРОДАХ

Предания и легенды о провалившихся городах известны в фольклоре разных народов. Большую популярность приобрела русская легенда о граде Китеже; не один исследователь стремился разгадать тайну якобы затонувшего города Винетты; литовские сказания о Райграде вдохновили художника М. К. Чюрлениса на создание триптиха «Райград». Эти поэтические произведения народного творчества издавна привлекали к себе внимание фольклористов. Н. Ф. Сумцов¹, В. Н. Перетц² и Х. М. Лопарев³ рассматривали легенды с мотивом провала⁴ как результат литературного влияния — библейского сказания о гибели Содома. Советский ученый В. Л. Комарович⁵ впервые связал китежскую легенду с дохристианскими верованиями русского народа и конкретными историческими событиями.

В данной статье мы рассмотрим, как трактуется провал местности в литовских народных преданиях и легендах в зависимости от воззрений народа. Учитывая характер повествования, художественные особенности и т. п., мы выделяем четыре основные группы литовских народных рассказов с мотивом провала: предания, сказания, легенды и предания-былички. В преданиях сохранились остатки дохристианских верований, уже не воспринимающиеся в религиозном аспекте. Сказания по художественным приемам стоят ближе к сказкам. Основа легенды — религиозные воззрения и проповедь религиозной морали (в нашем материале — только христианской). Предания-былички представляют собой произведения со сложным переплетением мотивов преданий о провале и быличек.

Известную сюжетную близость к библейскому тексту, который ряд ученых считал основой подобных преданий, обнаруживают произведения второй группы. Основное сходство: преступник карается, а невинный чудесным образом спасается. В некоторых литовских сказаниях указывается само преступление. Так, в одном из них говорится, что у реки Левуо, недалеко от города Купишкис, жили старик со старухой. Они

¹ Н. Ф. Сумцов, Сказания о провалившихся городах, Харьков, 1896.

² В. Н. Перетц, Несколько данных к объяснению сказаний о провалившихся городах, Киев, 1904.

³ Х. М. Лопарев, К легенде о затонувших городах, М., 1914.

⁴ Здесь и далее словом «провал» мы обозначаем мотив провала города, костела, усадьбы и т. д.

⁵ В. Л. Комарович, Китежская легенда. Опыт изучения местных легенд, М.—Л., 1936.

убили торговца, который, умирая, их проклял. Старик пошел на могилу убитого узнать, когда они будут наказаны, и получил ответ, что возмездие придет через пять лет. Когда пришел срок кары, к старикам заехал ксендз и заночевал. В тот вечер хозяйка нечаянно разбила тарелку. Ночью ксендза кто-то трижды будил и велел уезжать. Ксендз уехал, но в пути обнаружил, что забыл книгу. Возвратившись, он нашел на месте избы стариков озеро, в котором плавал столик с его книгой. Когда он взял книгу, столик тут же утонул. Сказание кончается утверждением, что люди видели, как избушка потом поднималась со дна озера. Нужно было, чтобы в это время кто-либо из людей вошел туда, тогда старики были бы спасены⁶.

Местные жители-литовцы рассказывают, что на месте нынешнего болота неподалеку от Яскун (Белорусская ССР) жил богатый человек, которому всегда сопутствовала удача — в его доме ни разу даже иголка не потерялась, курица яйца не разбила. Однажды ночью богач нашел на своем поле корову вдовы и убил ее. Тут у него и иголка пропала, и курица яйцо разбила. Когда испугавшийся человек спросил у убитой коровы о грозящем ему наказании, та велела ему купить вдове новую корову, иначе он не будет прощен сто лет. Богач решил, что он все равно ста лет жить не будет, и корову не купил. Дальше рассказывают тот же эпизод с ночующим ксендзом и забытой книгой⁷.

В приведенных сказаниях провал — возмездие за содеянное преступление. Во втором есть даже замечание, что богача «бог покарал», но это, видимо, позднейшая вставка. Приведенные примеры, как и другие литовские сказания, убеждают, что карает не христианский бог. В первом сказании убийцу проклиная перед смертью его жертва. Проклятие свершилось не сразу, и старик идет узнать у жертвы, когда оно сбудется. Характерно, что в обоих сказаниях о наказании спрашивают не у бога, а у жертвы, не говорится и о том, что молитвами можно искупить преступление. Мстит тот, кто пострадал от руки преступника, и поскольку нельзя изменить того, что произошло, наказания не миновать. В первом сказании старики слышат проклятье и верят, что оно свершится. Во втором богачу предоставляется возможность избежать кары, но эта возможность для него неприемлема. Месть жертвы в этом сказании переосмыслена в социальном плане: корова мстит богатому за зло, причиненное бедной вдове. Христианские воззрения не допускают, что бог может карать или миловать по просьбе животного. Общение обыкновенного человека с душой убитого, а тем более животного, тоже нельзя отнести к христианским верованиям. Такая трактовка провала своими корнями уходит в дохристианские представления о жизни в ином мире, к верованиям в добрые и злые души, широко представленным в литовских сказаниях о жизни душ в деревьях, в печках, под порогами и т. д. Замечание о божьей каре в сказании о провалившемся богаче по существу не изменило трактовки провала преступника как мести его жертвы.

Характерной чертой сказаний, близких по художественным особенностям к народным сказкам, является отсрочка наказания на много лет со дня совершения преступления. Этот композиционный прием замедляет ход развития действия, делает произведение более эпичным. Однако наряду с композиционно разработанными сказаниями необходимо ука-

⁶ Рукописи литовского фольклора Института литовского языка и литературы АН Литовской ССР (в дальнейшем сокращенно LTR) 3346 (1), записано в 1938 г. Год записи будем указывать только тогда, когда имеются точные сведения.

⁷ LTR 3285(25), записано в 1958 г.

зять и на такие тексты, в которых выделяется только одно событие — провал. Предшествующее этому преступление иногда совсем забывается.

Сказание о провале деревни Дильгине в Алитусском районе начинается с описания удачливой жизни крестьянина. Но вот курица разбила яйцо и крестьянин так встревожен, что решил освятить свой дом и привез ксендза⁸. В сказании о провале поместья близ г. Паневежиса тоже осталось только предзнаменование несчастья — разбитое яйцо, на которое никто не обратил внимания⁹. Объяснений причин провала здесь нет.

Трактовка провала как события случайного появилась, видимо, в результате забвения предшествующих эпизодов сказания. В ранее рассмотренных примерах, где провал — наказание за преступление, смысл событий, предвещающих беду, понятен и жертвам провала и исполнителям сказаний. В последних двух текстах предзнаменование становится в какой-то мере мотивировкой провала или же сохраняется как традиционная деталь.

В нелокализованном сказании, записанном в д. Кермошия Варенского района, событие, предшествующее провалу, является причиной самого несчастья. Один богатый был очень скуп. Нечаянно разбив яйцо, он так плакал и бранил жену, что его поместье залило водой¹⁰. Сказание переосмысливается в социальном плане: богатый наказан за свой классовый порок — жадность. Рассказчик то и дело сомневается, было ли так в действительности, говорит, что «такая сказка есть». Для него главное не сообщение о событии, а идейная его сторона.

Во всех рассмотренных сказаниях есть эпизод спасения ночующего ксендза. Он перекликается с эпизодом спасения праведника Лота в библейском сказании о Содоме. Но в народных сказаниях святость ксендза не подчеркивается; он скорее лицо не причастное к преступлению, свидетель события, подтверждающий его достоверность.

Таким образом, по трактовке главного события библейские и литовские народные сказания о провале совершенно различны. Считать, что Библия — литературный источник фольклорных произведений, нет никаких оснований. Скорее всего здесь мы имеем один из многочисленных случаев типологического сходства фольклорных произведений разных народов. Еще Дж. Фрэзер¹¹ доказал, что целый ряд библейских сказаний восходит к фольклору древних восточных народов. Видимо, с ним связано и сказание о гибели Содома. Литовские сказания о провале могли возникнуть самостоятельно и гораздо раньше, чем литовцы познакомились с христианской религией. Об этом говорит оригинальность трактовки провала, в которой переплелись дохристианские и христианские воззрения народа.

* * *

Следующая группа произведений литовского фольклора с мотивом провала — народные легенды. Иногда они прикреплены к тем же местам, о которых рассказывается и в сказаниях. О болоте Шепета неподалеку от г. Купишкис рассказывают, что здесь был большой город с костелом. За неправедность жителей бог наказал их, и город провалился во время богослужения. На его месте образовалось озеро, которое потом

⁸ LTR 3426(578), записано в 1960 г.

⁹ LTR 3409(174), записано в 1927 г.

¹⁰ LTR 3194(302), записано в 1959 г.

¹¹ Дж. Фрэзер, Фольклор в Ветхом завете. М. 1931.

затянулось мхом. Говорят, что время от времени город поднимается. Его можно спасти, войдя в костел и позвонив в колокол¹². Рассказывают, что из-за грехов жителей провалился костел на Шяуляйском кургане. В пасхальные праздники будто бы слышен звон его колоколов, поэтому гору считали священной¹³. Со дна доносились голоса людей и колокольный звон провалившегося костела в д. Рокишкис Даугелишской волости¹⁴. Таковы же и рассказы о провалившемся Райграде.

Иногда рассказывается, что провалились вместе с корчмой пьяницы, посмеявшиеся над религиозным обрядом: когда в воскресенье богомольцы с хоругвями шли вокруг костела, пьяницы с метлами и бутылками ходили вокруг корчмы. Такие легенды рассказывают о яме в д. Бальсей Шилальского района¹⁵, о болоте в д. Кальничю того же района¹⁶, о роднике на холме близ местечка Паюралю Тельшайского района¹⁷ и о ряде других мест. За несоблюдение религиозных постов якобы провалились жители богатого поместья на горе Нагарба в Сенкай близ Кредингги¹⁸.

В легендах о провале уже нет развернутого повествования; в них коротко сообщается об обстоятельствах, которые непосредственно касаются провала. Обычная причина провала — нарушение норм христианской религиозной морали.

В ряде легенд говорится о жизни провалившегося города или костела; грешники наказаны, но их можно спасти. В этом нельзя не заметить противоречия с основной мыслью легенды. Так в легенде о Райграде утверждается, что земля не принимает провалившихся грешников и выбрасывает их кости; соленые источники Друскининкай — это их слезы. По утверждению записавшего легенду Кулеши, так говорил почти каждый житель деревень Швендубре и Пярвалкас; это, по всей вероятности, более поздняя вставка, заимствованная из рассказов о злодеях, которых после смерти даже земля не принимает (такой мотив широко представлен в преданиях о пане Чичинкесе).

Таким образом, и в легендах с мотивом провала дохристианские и христианские воззрения своеобразно переплетаются; новые религиозные взгляды не вытеснили окончательно старых представлений. Это говорит о том, что известные легенды — переосмысленные в свете христианской религии более древние произведения.

Характерно, что предания и предания-былички о провале, не имеющие ничего общего с христианской религией, прикрепляются к тем же местам, о которых рассказывают легенды.

* * *

В большой группе литовских преданий провал местности объясняется тем, что кто-то проклял ее. В предании о том же болоте Шепета, легенду о котором мы приводили выше, утверждается, что в городе, бывшем на месте болота, жила вдова с дочерью. Однажды девушка потеряла телят и, устав от поисков, сказала городу: «Чтоб ты сквозь землю

¹² LTR 573 (6-a), ср. LTR 219 (96), записано в 1921 г.

¹³ LTR 284 (572), записано в 1930 г.

¹⁴ LTR 2626 (21).

¹⁵ LTR 2273 (59), ср. LTR 2368 (161).

¹⁶ LTR 2273 (4), записано в 1940 г.

¹⁷ Рукописный отдел библиотеки Вильнюсского гос. университета, D-146, стр. 293—295, записано в 1912 г.

¹⁸ LTR 1294 (16, 65), записано в 1936 г.

провалился». Как только она произнесла эти слова, на месте города возникло озеро, которое потом заросло и превратилось в болото¹⁹.

Рассказывают, будто за деревней Пасамаве вблизи Дукштаса раньше был костел, который проклинали богомолки за то, что возле него после молебна веселилась молодежь. Костел провалился, как только о нем сказали: «Чтоб ты сквозь землю!»²⁰. На горе Гирайте, недалеко от Лейпалингиса, тоже был костел, который теми же словами проклинала барыня, порвавшая на празднике свое платье²¹. На месте озера Вяленю около г. Игналины на горе стоял костел; женщина, уставшая подниматься в гору, проклинала его: «Чтоб эта гора сквозь землю провалилась!»²².

На месте Марчюписа (Река невесты), недалеко от г. Аникшчяй, якобы провалилась свадьба. Невеста вышла замуж против воли родителей, за что они ее и проклинали: «Чтоб ты пошла сквозь землю!»²³. На месте Чертовой Ямы недалеко от г. Аукштадвариса тоже провалился вместе со свадьбой костел, потому что мать теми же словами проклинала свою непослушную дочь²⁴.

В преданиях о провале внимание сосредоточено на самом происшествии, а не на действующих лицах. Все приведенные предания основаны на вере в магическую силу слов-заклинаний. Эти роковые слова люди произносят из чувства досады, явно не желая, чтобы проклятие исполнилось. Но оно свершается с неумолимой быстротой и точностью. Эта вера в магическое значение слов-заклинаний отразилась также в литовских преданиях о затонувших колоколах (они звонят до тех пор, пока рыбки, зацепившись за них сетями, не проклянут их). Подобные примеры можно найти и в литовских сказках. В одной из них мать проклинала своего сына, и тот провалился сквозь землю. Широко распространена сказка об Эгле — королеве ужей. Эгле (ель) закликает своих детей, и они превращаются в деревья. Вера в магическое действие слов относится к области дохристианских представлений литовцев, поэтому и предания о провале местности из-за проклятия следует связывать с глубокой древностью.

Реже встречаются литовские предания, в которых местность проваливается после произнесения ее настоящего имени. Рассказывают, что на месте озера Будрагайдис, недалеко от Аникшчяй, было поместье, провалившееся, когда его имя случайно прозвучало в песне девушки²⁵.

Так же провалилось поместье в полях Лесагуру, потому что назвали его имя²⁶.

В данных повествованиях мы встречаем отражение в фольклоре веры в магическое значение имени. Особенно широко это древнее представление отразилось в литовских преданиях о возникновении и путешествии озер (озеро кочует до тех пор, пока не назовут, не отгадают его имени), в заговорах от укуса змей (перечислением всевозможных имен змей стремятся угадать имя укусившей и тем сделать ее укус безопасным). Таким образом, и эти предания следует относить к дохристианским временам.

¹⁹ LTR 2993 (17).

²⁰ LTR 3235 (25), записано в 1959 г.

²¹ LTR 869 (1393), записано в 1932 г.

²² LTR 2626 (58).

²³ LTR 2412 (59), записано в 1940 г.

²⁴ LTR 847 (181).

²⁵ LTR 3192 (22), записано в 1959 г.

²⁶ LTR 581 (13), записано в 1922 г.

* * *

В некоторых литовских преданиях не говорится, почему провалилась та или иная местность, не сообщается никаких подробностей о самом провале. В них лишь упоминается в начале повествования, что на месте нынешнего озера, болота, кургана или городища были город, поместье или костел. Основу этих произведений составляют рассказы о чуть было не свершившемся спасении провалившихся людей, о попытках достать сказочные подземные богатства. Характерно, что многочисленные предания-былички такого рода прикреплены именно к тем местам, о которых известны предания, сказания или легенды.

В преданиях-быличках о самом провале сообщается мимоходом, на первый план выдвинуты события, произошедшие якобы совсем недавно. Как правило, называются и конкретные лица, с которыми это случилось. Предания-былички с такой тематикой встречаются гораздо чаще произведений других жанров с мотивом провала. Об этом, в частности, свидетельствуют их многочисленные записи.

Различные тексты преданий-быличек о местах провала близки по содержанию. На поверхности земли люди находят предметы из бывшего на этом месте города или костела: ключи от костела, веревку, привязанную к подземным колоколам, замки от города и т. п. Вот что рассказывают о затонувшем Райграде. Однажды женщина подошла к роднику на месте бывшего города и нагнулась, чтобы напиться. В воде она увидела замок. Как только она приподняла его, за ним потянулись цепи и зазвенели колокола. Испугавшись, женщина сказала: «Чтоб ты пропал!» и выпустила из рук замок. Тут же все исчезло. Оказывается, женщина поднимала затонувший Райград, и он радовался освобождению из подземного плена. Если бы она не испугалась, город был бы спасен. Теперь же она снова прокляла его на долгие годы²⁷.

В этом поэтическом повествовании отразилась вера в возможность спасения затонувшего города, в его невидимую жизнь, а также в магическую силу слов-заклинаний. Однако в данном примере эпизоды, своими корнями уходящие в глубокую древность, превратились в поэтические детали. Рассказчик не стремится подтвердить правдивость своего повествования, он то и дело подчеркивает, что передает услышанное от других, что ему самому все это кажется мало вероятным, но «такая сказка есть». Сохраняется традиционное поэтическое произведение народа, но не верования, которые в нем отразились.

Часто встречаются предания-былички, темой которых является общение обыкновенных людей с людьми из провалившегося города. Так, о горе Нагарба в Кретингском районе, кроме рассмотренной выше легенды, рассказывают, что к одному парню с этой горы спустилась девушка и попросила, чтобы он поцеловал вечером того, кого увидит у горы. Парень нашел здесь страшную лягушку и не решился поцеловать ее. Этим он мог спасти девушку и все поместье, а теперь провалившимся придется ждать еще триста лет²⁸. Такие предания-былички очень широко распространены, их рассказывают почти обо всех известных местах провала.

В других преданиях-быличках рассказывается, что провалившиеся помогают бедным, особенно сиротам, а жадных наказывают. О многих курганах, в которых якобы засыпаны костелы, поместья и проч., гово-

²⁷ LTR 3194 (303), записано в 1959 г.

²⁸ LTR 2368 (448), записано в 1938 г., ср. LTR, 552 (411), 1043 (72) и др. Нам известно 18 вариантов этого мотива.

рят, что там была дыра в подземелье. Если в нее бросать камешки, они упадут на крыши подземных домов. Широко известны рассказы о бедном пастушке, который полез в такую дыру за своей шапкой и получил ее обратно, наполненную золотом. Другого пастуха, полезшего туда за сокровищами, вытащили без головы²⁹. Такого рода предания-былички, видимо, связаны с культом умерших предков.

Литовское поверье утверждает, что курганы, появившиеся на месте провалов, нельзя раскапывать. Этой теме посвящено немало преданий-быличек. Кладоискателям чудится, что горят их дома, их пугают привидения. Когда же они убегают с кургана, — пожара или почудившегося пана как не бывало. Вернувшись, кладоискатели не находят и следа от своей ямы³⁰. Случалось также, что гору или болото, под которыми якобы находится город или костел, жители окрестных деревень считали священными и ставили на курганах кресты в надежде на выздоровление своих больных³¹.

Существование подобных преданий-быличек о тех же местах провалов, к которым прикреплены и христианизированные легенды, еще раз подтверждает вывод, что последние возникли в результате переосмысления более древних текстов. Как мы уже отмечали, народные толкования провалов противоречивы. Не только рассказываются взаимоисключающие версии о провале одной и той же местности, где переплетаются реликты дохристианских верований с христианскими догмами, но в произведении вводятся эпизоды, не соответствующие их первоначальной идейной направленности, меняется их сущность.

В литовских народных повествованиях выразилось стремление народа найти более понятное, соответствующее определенному этапу исторического развития объяснение причины провала. Постепенно слушатели перестали верить, что город или костел может провалиться только из-за произнесения проклятья, недостаточным стало объяснение провала божьей карой за грехи жителей. Рассказчики стали соединять с преданиями о провале широко распространенные былички, которым верят больше, так как в них обычно называется участник происшествия, известный в округе человек. Но и к быличке в народе стали относиться, как к охотничьим рассказам: увлекательным, но невероятным приключениям. Тогда к мотиву провала начинают прикреплять рассказы о правдоподобных событиях, воспоминания об исторических личностях.

Многие литовские предания о провале получают социальное осмысление и соединяются с рассказами о злодеяниях помещиков-крепостников. В них говорится, что такой-то пан заставлял людей куковать на дереве, а потом убивал «кукушку», заставлял людей пригоршнями носить землю, чтобы сделать дорогу через болото или гору. Во время очередного злодеяния помещика убивает гром, а его поместье проваливается³². Мотив провала в подобных преданиях является завершающим, но не главным. Поэтому мы ограничимся лишь упоминанием случаев сохранения этого мотива в преданиях. Предания о злом пане интересны и весьма сложны по характеру и требуют специальных исследований.

²⁹ LTR 322 (159), 274 (46), 2588 (82), 11 (8) и др. В настоящее время нам известно свыше 30 вариантов.

³⁰ LTR 851 (6), 2355 (118), записано в 1940 г.; 2368 (544) и др.

³¹ LTR 274 (49), 381 (126), записано в 1932 г.; 888 (762), записано в 1935 г., и др.

³² LTR 1589 (7a), 2412 (25), 381 (131), 768 (3) и др. Нам известно свыше 40 вариантов таких преданий.

* * *

При рассмотрении отдельных групп литовских народных произведений с мотивом провала мы уже отмечали, что сходные тексты прикрепляются к разным местностям, а разные по содержанию и идейной направленности предания и легенды нередко рассказываются об одной и той же местности. Таким образом, самый характер бытования преданий и легенд с мотивом провала говорит против того, что конкретные тексты могут отражать действительное событие. Фольклорные тексты гораздо древнее отмеченных историками фактов.

Вместе с тем, в истории известно немало случаев действительного провала почвы, которые могли послужить поводом для прикрепления народных рассказов о провале к той или иной местности. При анализе причин локализации того или иного сюжета материал самих текстов не может служить достаточным основанием для каких-либо предположений, — ведь рассказчики, как правило, верили в действительность описываемых событий. Какие-то догадки о возможных поводах локализации можно сделать лишь при наличии дополнительных источников. Для примера остановимся на одном из интереснейших сюжетов литовских народных рассказов о провале — на повествованиях о Райграде.

В Литовской ССР, недалеко от г. Друскининкай, между деревнями Швендубре и Пярвалкас находится болотистая низменность, окруженная крутыми склонами, которую называют Райградом. Окрестные жители рассказывают, что здесь некогда затонул город под этим именем. Исторических сведений об этом городе нет, но на территории нынешней Народной Польши существует древний город с таким названием. Вопрос о том, кому принадлежал этот город, каким народом он был основан, неоднократно поднимался в исторической науке³³. Большинство исследователей считает, что Райград у реки Бебры был ятвяжским. Его название ятвяжские переселенцы могли перенести в Гродненское княжество, т. е. на место якобы затонувшего Райграда.

Возможной причиной прикрепления распространенной легенды с мотивом провала именно к данной местности могли быть географические особенности. Еще Т. Кулеша в путеводителе «Друскининкай и окрестности» писал, что при первом взгляде на райградское углубление приходит мысль об образовании его от «ушедшего» озера, воды которого забрал находящийся немного ниже Неман³⁴. Каждой весной во время половодья озеро вновь образовывается. Однако недавно географами было установлено, что на месте легендарного Райграда было старое русло Немана³⁵. Возможно, что вследствие изменения русла реки и было затоплено водой какое-то селение или хутор. Характерно, что в народных рассказах о Райграде говорится не о провале, а о затоплении его озером. Таким образом, есть все основания предположить, что поводом для локализации рассказов об этом данном случае могли послужить действительные события.

Самое раннее известное нам упоминание о Райграде находится в заметке историка Т. Нарбута «Друскининкай и окрестности», опубликованной в журнале «Ondyna wód Druskienickich»³⁶. Согласно этой заметке, на месте болотистого луга в дохристианские времена был богатый город, жители которого забыли все заповеди богов. Они издевались над

³³ A. Kaminski, Jácwież. Terytorium, ludność, stosunki gospodarcze i społeczne, Łódź, 1953, стр. 99—101.

³⁴ T. Kulésza, Druskieniki i okolice, Grodno, 1935, стр. 94.

³⁵ A. Basalykas, Lietuvos upės, Vilnius, 1956, стр. 77.

³⁶ T. Narbut, Druskieniki i okolice, «óndyna wód Druskienickich», Grodno, 1844, стр. 16.

«священником, пытавшимся обратить их в христианство. Однажды ночью ангелы, трижды пробудив священника ото сна, повелели ему покинуть город. Священник ушел, забыв свой молитвенник. Возвратившись за ним, он нашел на месте города озеро. К священнику подплыл столик с его молитвенником, утонувший, как только он взял молитвенник. Видимо, Т. Нарбут слышал уже христианизированную легенду о Райграде и, возможно, обработал ее.

В 1840-х гг. приведенный сюжет предания бытовал во многих местах. Об этом свидетельствует примечание издателя журнала к публикации Т. Нарбута. По его словам, «подобное предание известно и в окрестностях другого Райграда, находящегося в королевстве Польском и во многих других местах»³⁷. Почти одновременно с Т. Нарбутом о провале города по имени Райград на месте болота недалеко от Друскининкай упоминает польский поэт Ю. Крашевский³⁸.

В 1920-х гг. были опубликованы семь вариантов райградского предания, записанные В. Креве в 1906—1907 гг.³⁹. Позже те же тексты были помещены в книге В. Креве «Дзукские предания»⁴⁰. Фольклористы высказывали обоснованные сомнения относительно подлинности этих записей. Сравнивая их с записями аналогичных преданий, можно установить, что Креве тоже перерабатывал фольклорные произведения, ввел в них намеки на исторические личности. Однако Креве, вероятно, основывался на подлинно народных произведениях — четыре текста дают сюжеты широко известных преданий.

В 1930-х гг. тоже записаны предания о Райграде, затонувшем за грехи его жителей⁴¹. Существовала тогда и другая версия о провале: здесь якобы провалилось поместье, хозяин которого в молодости убил купцов и присвоил их богатства. Затем следует, как в аналогичных преданиях, эпизод с ксендзом.

Бытовали также поверья о том, что земля не хочет принимать грешников и выбрасывает их кости, а соленые источники Друскининкай — это их слезы⁴².

В переосмысленном виде сюжет о Райграде известен и в наши дни. В варианте, записанном в 1959 г., рассказывается, что на месте нынешнего болота жил очень богатый и скупой человек. Однажды он собрался изжарить яйцо, но уронил его и разбил. Скупец стал жалеть о яйце, бранить жену. Ночью его усадьбу залило водой. И в этот вариант включен эпизод с ксендзом⁴³.

Из краткого обзора известных нам вариантов райградского предания видно, что основа сюжета, прикрепленного к данной местности, — наказание преступников. Это предание совпадает в сюжетных деталях с преданиями, прикрепленными к другим местностям Литвы. Здесь мы имеем один из случаев локализации распространенного сюжета.

* * *

Рассматривая мотив провала в литовских народных произведениях, мы приходим к выводу, что он возник в глубокой древности и в преданиях до сих пор сохраняются среды дохристианских представлений ли-

³⁷ Там же, стр. 17.

³⁸ J. Kraszewski i K. Wolfgang, Druskieniki, Wilno, 1848, стр. 39.

³⁹ V. Krėvė, Padavimai apie Raigrodo miestą, «Tauta is žodis», I, Kaunas, 1923, стр. 129—135.

⁴⁰ V. Krėvė, Dzūkų, poringės, Kaunas, 1934.

⁴¹ T. Kulesza, Указ. раб., стр. 99.

⁴² Там же, стр. 101.

⁴³ LTR 3194 (302), записано в 1959 г.

товского народа. Под воздействием изменений в народном миропонимании мотив провала неоднократно переосмыслялся. Долгое время он продолжал оставаться на первом плане, менялась только его трактовка. Наряду с этим, стремясь поддержать интерес слушателей к содержанию рассказов о провале, исполнители прибегают к контаминации с другими жанрами фольклора. В этих текстах мотив провала играет уже подчиненную роль.

Произведения с мотивом провала претендуют на историческую достоверность, однако они не отражают событий местной истории. Мы имеем дело лишь с локализацией традиционных фольклорных произведений.

Анализ литовских народных преданий и легенд с мотивом провала дает большой материал для изучения изменения народного миропонимания и исследования истории жанров преданий и легенд.
